

А. В. Пионтковский

ОБРАЗ «ДИКОЙ ШОТЛАНДИИ»
В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА УНИОНИСТСКУЮ ПОЛЕМИКУ
НАЧАЛА XVII ВЕКА

В октябре 1605 г. Дэвид Юм Годскрофт, один из наиболее значимых шотландских интеллектуалов раннего нового времени, закончил первый из двух трактатов, посвященных унии и объединённых под общим названием «Трактат об Унии острова Британии» (*De Unione Insulae Britanniae Tractatus*)¹. Труд Годскрофта является одним из наиболее обширных и последовательных унионистских трактатов первого десятилетия XVII века, а его видение будущего множественной монархии Якова I (VI) представляется одним из наиболее оригинальных². При общем республиканизме идей

¹ Годскрофт закончил первую часть трактата предположительно к октябрю 1604 г., начав её в мае того же года. Такая быстрота объяснялась началом деятельности англо-шотландской комиссии по унии, и активная интеллектуальная полемика относительно унии приходится именно на этот период. Вторую часть трактата ждала более драматичная судьба. Из-за противоречий между королём и пресвитерианами, которых поддерживал Годскрофт, его трактат так и остался неопубликованным. См.: The British Union: A Critical Edition and Translation of David Hume of Godscroft's «De Unione Insulae Britannicae» / Ed. and trans. Paul J. McGinnis, Arthur H. Williamson. Aldershot, 2016. P. 49–50.

² Об этом см.: Williamson, A. Radical Britain: David Hume of Godscroft and the Challenge to the jacobean British Vision, in: *The Accession of James I: Historical and Cultural Consequences* / Ed. Burgess G., Wymer R., Lawrence J. New York, 2006. P. 48–69.

Годскрофта относительно мирного урегулирования многовекового противостояния англичан и шотландцев, важно отметить ряд черт, традиционных для топографического описания Шотландии в средневековой шотландской и английской хронистике. Помимо конвенциональной для средних веков и раннего нового времени демонстрации бедности северного королевства, вызванной суровостью местного климата — теме, к которой мы ещё вернёмся в дальнейшем, Годскрофт также разделяет глубоко укоренившиеся стереотипы восприятия горных районов Шотландии и — шире — общеевропейской отсталости горных регионов. Хайленд в описании Годскрофта предстаёт местом, где злодеи могут получить убежище после совершения своих преступлений в отношении обитателей Лоуленда, в свою очередь, испытывающих при этом также и всю тяжесть английской угрозы: «Здесь (в приграничных и горных районах Шотландии. — А. П.) в особенности всякие [вещи] беспокойными, чрезвычайно разрушительными [являлись]; [злоумышленники] либо в горах искали спасение, либо в Англии убежища»³. Именно в силу этой вражды, продолжает Годскрофт, Шотландия не могла похвастать тем обилием учёных людей и поэтов, каковым располагала соседняя Англия. Наследование Яковом VI английского престола создаст, по мнению автора, устойчивую материальную базу, которая будет способствовать более интеллектуальному развитию двух королевств.

В том же духе, у Годскрофта предстают и сами обитатели Хайленда: «Я встретил не так давно, в [одном] пассаже поистине великого автора, в котором врожденные и естественные качества различных описываемых (великим автором. — А. П.) народов [рассматриваются], наконец, он подходит здесь [к описанию северных народов] и говорит, что Датчане, Шведы, Готы монстры, Шотландцы не меньшие [чудовища]. Я не признаю [это] обвинение: и я думаю, что несправедливость [по отношению к] нам была совершена, и он столкнулся с кем-то, кто родом из деревни или с таким же [человеком], *живущим в горах и [столь же] невежественным* (курсив наш. — А. П.): с подобными даже в самой Италии он мог бы столкнуться: и какой народ не порождает таких? Альпы, Пиренеи, Кавказ и им подобные: это

³ turbantibus illic maxime, pemiciosissimis quibusque; aut montium fisis aut Angliae perfugio (The British Union... P. 86).

есть в Италии, Галлии, Испании, Азии и т.д., посему [здесь] вина приписывается всему народу, что несправедливо»⁴. Контраст между горными и низинными районами Шотландии кажется тем более разительным, если учесть примеры множественной акцентуации Годскрофтом положительных черт шотландцев и его стремления доказать своему читателю, что жители северного королевства не уступают своим соседям, а в чём-то, возможно, даже и превосходят их⁵.

Столь негативные коннотации в отношении горцев отнюдь не окказиональны, мы можем встретить подобные пассажи и в других трактатах периода жестких унионистских дебатов. В этом отношении, столь же показательным окажется труд Роберта Понта, «наиболее влиятельного пресвитера ранней реформированной церкви» в Шотландии⁶. Его сочинение являлось одним из наиболее массовых унионистских трактатов. О нацеленности на максимально широкую аудиторию говорит тот факт, что изначально трактат существовал в двух версиях, на латинском и на английском языках, озаглавленный «Об Унии Британии, или о воссоединении королевств Англии и Шотландии и всех прилегающих островов в единую монархию, и о многих от этой унии пользах, диалог»⁷, первая из которых, судя по всему, не была издана⁸. Трактат Понта, в основном, посвящён религиозным вопросам, однако участники

⁴ Incidi non ita pridem, in locum sane magni scriptoris, ubi diversorum populorum gentios, et ingenia notans tandem huc prolabitur DANI, SVEDI, GOTHI, inquit BELVAE; SCOTI NON MINUS. Non agnosco crimen: et puto iniuriam nobis fieri illumque in rusticum aliquem, eundemque montanum, ac stolidum incidisse: quales etiam in ipsa Italia inveneris: et quae gens non aliquos gignit? Alpes, Pirenaei, Apenninus, Caucasus, et similia: id est Italia, Gallia, Hispania, Asia, &c. hinc culpam in gentem derivari, quod minime omnium aequum videtur (The British Union... P. 80).

⁵ The British Union... P. 80–82.

⁶ О нём и о его деятельности см.: Kirk, J. Pont, Robert (1524–1606) / Ed. D. Canadine. Oxford, 2004; Bardgett, F. D. The Reformation in Moray and Mr Robert Pont, in: *Journal of Scottish Historical Studies*. 2019. Vol. 39. Issue 1. P.

⁷ De Unione Britanniae, seu de Regnorum Angliae et Scotiae omniumque adjacentum insularum in unam monarchiam consolidatione, deque multiplici ejus unionis utilitate, dialogus и в английском переводе Of the Union of Britayne or conjunction of the kingdomes of England and Scotland, with the bordering Brittain Hands into one monarchic, and of the manifold commodities proceeding from that Union.

⁸ The Jacobean Union. Six tracts of 1604 / Eds. B. R. Galloway, B. P. Levack. Edinburgh, 1985. P. XLVI..

диалога также задаются вопросом о том, что препятствует гармоничному развитию яковитской унии. Ими выделяются несколько категорий, наиболее примечательной из которых в контексте нашего исследования являются дикие ирландцы (*savadg Irish*) и жители Гебридских островов. Понт пишет, что «в числе их (врагов Унии. — А. П.) давайте рассмотрим диких и свирепых ирландцев, являющихся частью Английских владений, а также [жителей] Шотландских Гебридских островов или *Ebudiani*, которые по большей части также являются врагами земледелия, проводя свои дни впустую в охоте или в праздности, на манер диких зверей»⁹. Родство между шотландцами Гебридских островов и ирландцами тем значительнее, что они всегда готовы оказать помощь друг другу и укрыть злоумышленников с обеих сторон на своих территориях¹⁰.

Подобное отношение к Хайленду и к островам всецело отвечало политике Якова VI, направленной на колонизацию и искоренение «варварских обычаев» среди островитян и горцев, а также распространение в регионе норм права, характерных для остального королевства¹¹. Решение Хайлендского вопроса был предложено Яковом и в

⁹ In their number let us account the wild and savadg Irish of the English dominion, and of the Scottish ilands the Hebridiani, or Ebudiani, who for the most part are enemies also to tillage, and weare out their dayes in hunting and idleness after the maner of beasts (Robert Pont. Of the Union of Britayne, in: *The Jacobean Union*.. P. 22).

¹⁰ they were readie to flie out and to ayde one another in their wicked defections (Robert Pont. Of the Union of Britayne... P. 22).

¹¹ Политика Якова VI в отношении Хайленда, в целом, следовала традиционным интенциям шотландских монархов, направленным на достижение лояльности со стороны крупных лендлордов и лидеров кланов в высокогорье, на островах и в приграничных регионах. Яков VI, как и его предшественники Яков IV и Яков V, предпринимал ряд спорадических морских экспедиций, целью которых было получение заверений о добром поведении по отношению к короне, вознаграждение тех, кто уже был лоялен в течение длительного времени и наказание тех, кто последовательно восставал против монарха. Важной вехой в становлении этой политики стало принятие акта 1587 г., проводившего разграничения между Западным Хайлендом и Островами, и Центральным и Восточным Хайлендом, признавая существование проблемы и в этих областях и применяя к ним отмеченную выше политику (Act of Parliament «For the quieting and keeping in obedience of the disorderit subjectis inhabitantis of the bordouris hielandis and ilis», 29 July 1587, in: *Acts of the Parliament of Scotland (APS)* / Eds. T. Thomson and C. Innes, 12 vols. Edinburgh, 1814–1875. С. 461–466). О хайлендской политике Якова

Basilikon Doron, где, наставляя своего сына, монарх пишет: «колонии среди ответственных [перед короной] подданных Островов, которые в короткое время могут реформировать и цивилизовать наиболее склонных из них (островитян. — А. П.); искореняя или перемещая варварский и упрямый тип [людей] и насаждая цивилизованность в их дома»¹². Яковитский дискурс стал неотъемлемой частью унионистской полемики, одной из составляющих конструирования общebritанской идентичности. Базировавшаяся на общей культуре и политическом сознании Равнинной Шотландии и Англии, британская идентичность, поддерживаемая королём Яковом и проунионистскими авторами, отталкивала гэльскую составляющую острова. Тем не менее, подобная риторика отнюдь не нова и является глубоко укоренившейся в средневековой топографической традиции, как континентальной, так и инсулярной. Понимание этого более широкого контекста позволит нам проследить развитие и гибкость риторических приёмов стигматизации жителей высокогорья и их роли в формировании унионистского дискурса и представлений о Британии и её жителях в позднее средневековье и раннее новое время, а также о том, какие культурные и политические ценности должны лежать в основе конвенциональной «британскости». Проблема представляется тем более обширной, что разделение между цивилизацией и варварством происходило для самих шотландцев не только через топографические характеристики, но и через принадлежность к той или иной языковой общности — гэльской или германской англоговорящей¹³.

VI см.: *Cathcart, A. Kinship and Clientage: Highland Clanship, 1451 to 1609*. Leiden, 2006. P. 50–56; *Ohlmeyer, J. H.* «Civilizing of those rude parts»: Colonisation within Britain and Ireland, 1580s–1640s, in: *The Oxford History of the British Empire*. Vol. 1: The Origins of Empire / Ed. N. Canny. Oxford, 1998. P. 124–47; *Cathcart, A.* The statutes of Iona: the archipelagic context, in: *Journal of British Studies*. 2009. N 49 (1). P. 4–27.

¹² Colonies among them of answerable Inlands subiects that within short time may reforme and ciuilize the best inclined among them; rooting out or transporting the barbarous and stubborne sort, and planting ciuilitie in their rooms. (James VI and I. *Basilikon Doron*, in: *The Political Works of James I* / Ed. C. H. McIlwain. Cambridge (Mass.), 1918. P. 22).

¹³ Здесь стоит отметить ограниченность идентичности, базирующейся только на языковом единстве. Как справедливо отмечает Оливье де Лабордери, в билинг-

Шотландия как окраина цивилизованного мира в средневековом мировосприятии

Прежде чем перейти к рассмотрению инсулярной традиции репрезентации шотландского королевства, на наш взгляд, будет уместным рассмотреть континентальную традицию и выделить набор ключевых стереотипов о северном королевстве, циркулировавших среди европейских авторов высокого и позднего средневековья. Наиболее показательными в этом отношении являются труды представителей рыцарской хронистики Жана Ле-Беля и Жана Фруассара¹⁴. Изобилие данных произведений стереотипами, в том числе этнографического характера, не раз отмечались исследователями¹⁵. Представления о цивилизованности и дикости

важных или тринлингвальных обществах, каковыми были Англия и Шотландия в средние века, идентичность базировалась сугубо на основе общего исторического дискурса, разделяемого большинством обывателей. *De Laborderie, O. Histoire, mémoire et pouvoir. Les généalogies en rouleau des rois d'Angleterre (1250–1422)*. Paris, 2013. P. 360–361. Описание общего исторического дискурса, во многом базирующегося на гальфридианском и артурианском мифах, принимаемых и англичанами, и шотландцами, не входит в рамки этой статьи. Тем не менее, подход к идентичности как к языковому феномену здесь всё же допустим, поскольку речь идёт о формировании идентичности внутри другой идентичности.

¹⁴ Связь этих двух хроник тем более примечательная, что сам Фруассар признаёт заимствования из «Правдивых хроник» Жана Ле-Беля, об этом подробнее см.: *Philippeau, P. Froissart et Jean le Bel. Etude littéraire sur la Chronique de Jean le Bel, chanoine de Saint-Lambert à Liège (1290–1370)*, in: *Revue du Nord*. T. 22. N 86. 1936. P. 81–111; *Marie-Thérèse de Medeiros*. Dans le sillage de Jean le Bel. La chute d'Edouard II chez Jean d'Outremeuse et chez Froissart, in: *Cahiers de recherches médiévales*. 2003. T. 10. P. 131–142.

¹⁵ О репрезентации насилия и его стереотипизации в хрониках Ле-Беля и Фруассара, в тех их пассажах, которые относятся к Жакерии 1358 г., довольно любопытные суждения были высказаны в недавних исследованиях Беттины Боммерсбах и Жюстин Фирнхабер-Бэйкер см.: *Bommersbach, B. Violence dans la Jacquerie de 1358: Faire couler à plaisir le sang?* in: *La Jacquerie: Entre mémoire et oubli, 1358 1958–2008* / Ed. P. Rigault, P. Toussaint. Amiens, 2012. P. 73–88; *Hinck, H., Bommersbach, B. Cross-Border Representations of Revolt in the Later Middle Ages: France and England During the Hundred Years' War (1337–1453)*, in: *From Mutual Observation to Propaganda War: Premodern Revolts in their Transnational Representations* / Ed. M. Griese. Bielefeld, 2014. P.37–53; *Firnhaber-Baker, J. The eponymous Jacquerie: making revolt mean some things*, in: *The Routledge History Handbook of Medieval Revolt* / Ed. J. Firnhaber-Baker. London, 2016. P. 63–65. Принимая во внимание всю условность топосов о жесткости крестьян, понимание коннотируемой по отноше-

у данных авторов напрямую увязывалось с методикой ведения боевых действий, с тем, что Филипп Контамин называл «дикой войной»¹⁶, что полностью соответствует, по мнению хронистов, повседневной дикости шотландцев и ирландцев.

В значительной мере «Правдивые хроники» Ле-Беля первичны по отношению к Фруассару, именно по этой причине уместнее будет начать с рассмотрения этого труда. В 1327 г. Ле-Бель посетил Англию и Шотландию в сопровождении Жана де Бомона, младшего брата графа Эно Вильгельма I, по просьбе которого и была составлена хроника, чтобы поучаствовать в военной компании Эдуарда III против Шотландии¹⁷. Ле-Бель сообщает о трудностях, с которыми повсеместно приходилось сталкиваться англичанам во время кампании 1327 г. Королю и его армии приходится продираться среди гор и пустошей, ориентируясь на местности только благодаря солнцу¹⁸. Ситуация осложнялась дождливой погодой, которая не менялась на протяжении всего описываемого дня¹⁹. Ле-Бель отмечает стремление шотландцев заманить англичан на свою территорию, где они имели бы перевес над своим противником. Шотландцы идеально ориентируются на местности, поэтому им удаётся держать англичан на расстоянии и те, при всём их желании, не могут их настигнуть²⁰. Ле-Бель заинтересован в том, чтобы наиболее подробно изложить

нию к «варварам» жесткости становится более целостным.

¹⁶ Под которой Фруассаром понималась партизанская герилья, см.: *Contamine, P. Froissart : art militaire, pratique et conception de la guerre*, in: *Froissart Historien* / Ed. J. J. N. Palmeréd. Bury-St-Edmunds, 1981. P. 143. Для авторов Высокого и Позднего средневековья варварская ярость (*furor barbaricus*) являлась очевидным противопоставлением цивилизованных обычаев и дикости. Последняя, транслируясь через обычаи ведения войны, служила зеркальным отображением цивилизованного мира (*De Falco, F. Opere cortesi, modelli letterari e fazioni politiche nello spazio Plantageneto (XII–XIII sec.): Il De Nugis Curialium e la Topographia Hibernica alla luce degli obiettivi dei loro autori*. PhD. Avignon, 2019. P. 199).

¹⁷ *Tyson, D. B. Jean le Bel: Portrait of a Chronicler*, in: *Journal of Medieval History*. 1986. Vol.12. Issue 4. P. 316.

¹⁸ *Ainsy chevaucha le jœune roy le jour et tout son ost parmy ces montaignes et ces desers, sans chemin tenir, sans voye et sans sentier et sans ville fermée ne aultre trouver, fors que par ad vis selonc le soleil*. (Chronique de Jean le Bel, publiée pour la Société de l'histoire de France. Paris, 1904. T. 1. P. 57).

¹⁹ Chronique de Jean le Bel. P. 58.

²⁰ Chronique de Jean le Bel. P. 53–54.

стратегию ведения войны шотландцами, столь нетипичную для рыцарских традиций. Как представляется, именно поэтому он уделяет столь пристальное внимание тому факту, что, покидая лагерь, те оставляют «более пяти сотен недавно убитых крупных животных, красивых и тучных, которых Шотландцы убили за то, что те не могли следовать за ними [слишком быстро], и из-за того, что они не хотели, чтобы они достались живыми англичанам»²¹. Своеобразным синопсисом войн Эдуарда III против шотландцев является начало главы 48, где Ле-Бель пишет: «Ранее вы слышали, если вы это помните, как он (Эдуард III) покорил всю Шотландию до большого леса, называемого Дждуортским. Здесь обитают дикие шотландцы (*les sauvages Escots*), в силу того, что этот лес столь отличен [от всего того, с чем король ранее сталкивался] и так полон огромных болот, что никто не решается вступить в него, если он не знает путей и следов»²². Таким образом, констатация дикости и грубых нравов переносится Ле-Белем из сугубо военной сферы в сферу более широкой культурной репрезентации.

Описание нравов шотландцев у Ле-Беля оказывает огромное влияние, на то, каким образом воспринимал их Фруассар. Как отмечает Пьер Филиппо, Фруассар практически дословно воспроизводит текст Ле-Беля, описывая компанию 1327 г.²³ Но наиболее примечательным нам кажется описание собственного опыта пребывания в Шотландии, которым Фруассар дополняет рассказ Ле-Беля, солидаризируясь с ним. Фруассар посещает Шотландию в 1365 г. по поручению королевы Филиппы, чтобы доставить её послание королю Давиду II²⁴. Также описание Шотландии встречается во второй книге, где хронист описывает пребывание в северном королевстве

²¹ et trouvasmes plus de cinq cens grosses bestes bonnes et crasses tantost mortes, que les Escots avoient tué pour tant qu'elles ne les pouoient suivre, et si ne les vouloient pas laisser vives aux Anglès (Chronique de Jean le Bel. P. 73).

²² Vous avez cy devant entendu, s'il vous en souvient, comment il conquist toute Escocce jusques à la grande forest qu'on clame Gendours. Là, les sauvages Escots se tiennent pour tant que la forest est si diverse et si plaine de grands marès que nul ne s'i ose embatre, se il ne scet bien les chemins (Chronique de Jean le Bel. P. 273).

²³ *Philippeau, P.* Froissart et Jean le Bel. Etude littéraire sur la Chronique de Jean le Bel, chanoine de Saint-Lambert à Liège (1290–1370), in: *Revue du Nord*. 1936. T. 22. N 86. P. 83.

²⁴ Об этом см.: *Divenes, A.* Froissart's Journey to Scotland, in: *Forum for Modern Language Studies*. 1965. P. 54–63.

армии адмирала Франции Жана де Вьена в 1385 г. Фруассар чётко противопоставляет горную Шотландию равнинной, называя первую «Дикой Шотландией» (*la Sauvage Escosse*), вторую *le douce Écosse* (кроткая Шотландия).

Начиная своё повествование об экспедиции де Вьена, Фруассар отмечает, что король ещё не прибыл в Эдинбург (*Haindebourch*), находясь на территории «Дикой Шотландии» (*mais se tenoit en la Sauvage Escosse*), очевидно здесь подразумевается замок Стерлинг, находящийся недалеко от горных районов, добавляя при этом, что для монарха этот регион оказывается предпочтительнее, чем другие²⁵. Фруассар описывает повсеместную бедность этой страны, Шотландия предстаёт в его описании автохтонной местностью, а сами шотландцы — людьми, неохотно принимающими любых иностранцев: «Я должен, однако, сказать, что, учитывая все обстоятельства, совершенно неправильно было отправлять столь большое количество знатных мужей в Шотландию в это время. Было бы лучше послать двадцать или тридцать рыцарей из Франции, чем столь великое войско в пятьсот или тысячу человек. Причины этого ясны. В Шотландии вы никогда не найдёте достойного человека, они подобны дикарям, которые не желают быть знакомы с кем-либо ещё, кроме них самих, [так как] слишком завидуют успеху других и подозрительно относятся к своим собственным утратам, в силу того, что их страна очень бедна»²⁶. Неудивительно, что, пребывая в Шотландии, французы испытывали дискомфорт. Фруассар пишет о жалобе, которую французские бароны и рыцари излагают де Вьену: «Что привело нас сюда? Ранее, мы никогда не знали, что означает бедность и жизнь бардов <...> Позвольте

²⁵ Pour le temps, le roi d'Escosse n'étoit pas encore venu à Haindebourch, mais se tenoit en la Sauvage Escosse, où par usage il se tenoit plus volontiers que ailleurs. (Les Chroniques de Sire Jean Froissart. Livre II. Paris, 1835. P. 314). Как полагает Стивен Бордман, тот факт, что король столь долгое время пребывает на территориях высокогорья, свидетельствует о сохраняющихся тесных связях первых королей династии Стюартов с высокогорьем, а также об определённой степени недовольства монархом, которое в связи с этим испытывали жители Лоуленда (*Boardman, S. The Gaelic World and the Early Stewart Court / Ed. Broun D. Mìorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?» Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern. Glasgow, 2007. P. 101–102*).

²⁶ Les Chroniques de Sire Jean Froissart. Livre II. Paris, 1835. P. 315.

нам ускорить цель нашего путешествия, продвигаясь к Англии, так как долгое пребывание в Шотландии не будет ни почётным, ни прибыльным»²⁷. Фруассар отчётливо запечатлел столичный статус Эдинбурга, называя его «Парижем Шотландии», однако даже столица Шотландского королевства не сопоставима с такими городами, как родные для Фруассара Турне или Валансьен, в ней едва ли можно насчитать четыре тысячи домов²⁸.

Тем не менее, восприятие Фруассаром «варварства» шотландцев вовсе не является однозначно отрицательным. Шотландская знать и король Давид II предстают в его описании достойными представителями европейской знати, владеющими французским и имеющими представление о куртуазной культуре. Более того, Фруассар вписывает Шотландию в артурианскую рыцарскую традицию, репрезентируя замок Стерлинг как место проведения рыцарских турниров, поскольку, как хронисту было сообщено королём Давидом, этот замок некогда являлся местом собраний рыцарей круглого стола и был называем во времена короля Артура Сноудон²⁹.

Двойственность подхода к «нецивилизованным» северным окраинам христианского мира становится наиболее очевидной при описании хронистом Ирландии. Ирландия в описании Фруассара предстаёт практически необитаемым местом, лишенным городов, жители которой пребывают в столь примитивном состоянии, что не ведают о торговле, исключением является лишь английский Пэйл. В тоже время Фруассар находит и некоторые континентальные аналогии тому, что он видел на Британских островах. По его мнению, Нортумберленд и Восточное побережье Ирландии подобны Нижней Фрисландии, эти территории играют роль своеобразного буфера, отделяющего цивилизованное пространство (в случае Фрисландии таковым выступает Голландия) от мятежных вар-

²⁷ Les Chroniques de Sire Jean Froissart. P. 315.

²⁸ De ces paroles ils se contentèrent, et se logèrent les seigneurs et leurs gens en Haindebouch, au mieux qu'ils purent ; et qui ne pouvoit être logé en la ville il se logeoit ens ès villages environs ; car Haindebouch, combien que le roi y tiene son siège et que ce soit Paris en Escosse, si n'est-ce pas une telle ville comme Tournay ou Valenciennes ; car il n'y a pas en toute la ville quatre cents maisons (Les Chroniques de Sire Jean Froissart. P. 314).

²⁹ Stevenson, K. Power and Propaganda: Scotland 1306–1488. Edinburgh, 2014. P. 6–7.

варских территорий, таких как Шотландия, Ирландия и Верхняя Фрисландия. Однако в четвёртой книге, во время своего второго и последнего путешествия в Англию в 1395 г., когда король Ричард II вёл активную компанию против ирландцев, Фруассар записывает историю рыцаря Генри Кристед, выбранного королём в качестве наставника к четырём покорившимся англичанам ирландским вождям, которые должны были быть обучены «цивилизованным манерам» при английском дворе. Кристед, выросший при дворе графа Ормрода, был захвачен ирландцами в плен, где смог выучить гэльский язык. Свой рассказ он предваряет описанием Ирландии, которое схоже с шотландским: «Ирландия одна из худших стран в мире для того, чтобы вести [здесь] войну и подчинить [её], потому что она странным и диким образом наполнена высокими лесами и бурными водами, болотами и непригодными для жизни местами»³⁰. Ровно, как и шотландцы, ирландцы ведут партизанскую войну, стараясь выманить своих врагов на удобную для них местность. После этого, Кристед переходит к рассказу о своей жизни в плену. Он отмечает, что не получил никакого вреда во время взятия в плен. Своего захватчика Кристед именует Брин Костерек³¹. Последний доставляет его в свой дом и, удерживая его в плену в течение семи лет, вводит его в состав собственной семьи, выдав за англичанина дочь. Этот брак оказывается успешным и приносит Кристеду двух дочерей³². Будучи освобождённым из плена Лайонелом, герцогом Кларенсом, Кристед, тем не менее, продолжил пользоваться гэльским языком в быту, обучая ему также и своих детей³³. Итог обучения Кристедом четырех ирландских вождей в определённой мере можно считать успешным, поскольку они более глубоко при-

³⁰ Yrlande est ung des mauvais pays du monde à guerrier et à soubsmettre, car il est fourmé estrangement et sauvagement de haultes forests et de grosses yaues, de crolières et de lieux inhabitables (Chroniques, livre IV. kervyn 15. P. 169).

³¹ Возможно принадлежавший к клану О'Бирн (Dwyer, F. Witches, Spies and Stockhom Syndrome: *Life in Medieval Ireland*. Dublin, 2013. P. 228).

³² Ce Brun Costerec me tint sept ans avec luy et me donna une sienne fille en mariage, de laquelle j'en ay eu deux filles (Chroniques, livre IV. kervyn 15. 172).

³³ Et pour ce que la langue d'Yrlande m'est en parole aussi appareillie comme est la langue englesce (car tousjours je l'ay continuée avec ma femme et introduis à l'apprendre mes enffans ce que je puis) (Chroniques, livre IV. kervyn 15. 173).

общаются к рыцарским традициям и охотно соглашаются пройти акколаду в Дублинском кафедральном соборе³⁴.

История Крестеда чрезвычайно примечательна в этом плане, поскольку она противоречит традиционной картине ирландской «дикости» и демонстрирует способность ирландцев к ассимиляции в «цивилизованном» мире. Тем не менее, миф об ирландской дикости, как отмечает Жанна-Мари Буавен, никуда не уходит, даже не смотря на эту констатацию³⁵. Как отмечает Вера Сукупова, подобная непоследовательность в изложении вызвана сознательным желанием Фруассара включать в своё повествование практически всю услышанную им от своих источников информацию³⁶.

В значительной мере, имманентно присущие негативные черты шотландской и ирландской культурной общности могут быть объяснены несколькими факторами. Прежде всего, стоит отметить относительную языковую обособленность этих территорий от континентальных традиций, традиционно рассматриваемую историографией как важный аспект культурной дифференциации. Важно отметить, что англо-нормандский французский как куртуазный язык знати в Шотландии высокого и позднего средневековья достаточно широко распространён. Серж Лузиньян подчеркивает, что шотландские источники, написанные на англо-нормандском французском, происходят отнюдь не только из крупных городских центров, как Эдинбург, Глазго или Сент-Эндрюс. Исследователь подчёркивает, что в целом шотландская знать в языковом аспекте мало отличалась от английской, её представители обладали достаточными познаниями французского языка³⁷. В тоже время, как отмечает Стивен Бордман,

³⁴ *Boivin, J. M.*, L'Irlande au moyen âge, Giraud de Barri et la «Topographia Hibernica» (1188). Paris, 1993. P. 141.

³⁵ *Boivin, J. M.*, L'Irlande au moyen âge. P. 143.

³⁶ *Soukupová, V.* La construction de la réalité historique chez le chroniqueur Jean Froissart. PhD. Paris. 2016. P. 57. Впрочем, как отмечает исследовательница, это не мешает Фруассару периодически принимать или отвергать ту или иную позицию своего информатора.

³⁷ *Lusignan, S., Cormier, D.* Merlin et la guerre entre l'Angleterre et l'Écosse au début du XIVe siècle / Ed. Duché V., Tran-Gervat Y.M. Maher D. Ainsi passe le texte. Mélanges en hommage à Madeleine Jeay. P. 87–89; *Lusignan, S.* The Use of Anglo-Norman in Day-to-Day Communication during the Anglo-Scottish Wars (1295–1314), in: *The French of Medieval England: Essays in Honour of Jocelyn Wogan-Browne*

шотландская знать XIV–XV, зачастую всё же не проявляла значительного интереса к французскому языку, его распространение в северном королевстве оставалось неравномерным и нередко спорадическим. Наглядным примером может послужить письмо Джорджа Данбара, графа Марча, королю Англии Генриху IV, написанное на английском языке, так как граф, чувствуя смущение из-за того, что ему приходится писать именно на этом языке, а не на французском или латинском, объяснял это тем, что понимает английский лучше, чем остальные языки³⁸. Все эти факторы языковой дифференциации, однако, вряд ли могут показаться столь значимыми на сегодняшнем этапе исследования проблематики. Как убедительно было продемонстрировано Кристофером Флэтчером, французский язык в Англии никогда не являлся вернакуляром даже в среде английской знати, изъяны в произношении и правописании чётко осознавались самими англичанами и вызывали снисходительные насмешки среди континентальных франкоговорящих (на диалектах ойль) подданных французских монархов³⁹. Исследователь отмечает, что в анонимной среднеанглийской поэме XIII в. «Об Артуре и Мерлине», указывается, что знатный человек должен владеть французским, однако автор поэмы встречал многих благородных англичан, не умевших говорить по-французски. Даже столь крупный английский сеньор, как Генри Гросмонт, первый герцог Глостер (с 1351 г.), закончив

/Ed. T. Fenster. Woodbridge, 2017. P.118–121. Кроме того, Лузиньян отмечает, что большинство англо-шотландских договоров в течении XIV в. записывались на англо-нормандском французском, см.: *Lusignan, S. La langue des rois au Moyen Âge. Le français en France et en Angleterre.* Paris, 2004. P. 181–182.

³⁸ Boardman, S. A People Divided? Language, History and Anglo-Scottish Conflicts in the Work of Andrew of Wyntoun, in: *Ireland and the English World in the Late Middle Ages* / Ed. B. Smith. London, 2009. P. 118.

³⁹ Кристофер Флэтчер отмечает, что «плохое» французское произношение не свидетельствует об упадке интереса к нему со стороны английской знати на рубеже XII–XIII вв. Скорее наоборот свидетельствует о престиже этого языка как средства продвижения по социальной лестнице. Английский язык, тем не менее, остаётся основным, о чём свидетельствует приводимый исследователем в качестве примера учебный трактат по французскому языку, написанный Уолтером де Биббесуртом для детей Дамы Дениз де Монченси (*Denyse de Montchensy*), в котором французские термины сопровождаются английскими глоссами (*Fletcher, C. Langue et nation en Angleterre à la fin du moyen âge*, in: *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques.* T. 2. N 36. 2012. P. 236–237.

свой трактат «Книга о священных лекарствах» (*Le Livre de Seyntz Medicines*) в 1354 г., извиняется за недостатки своей работы, среди которых упоминает «плохой» французский, несмотря на богатый опыт боевых действий на континенте: «другой причиной [заслуживающей прощения] может быть то, что, если мой французский не является хорошим, я должен быть извинён, поскольку я англичанин и не столь искушен в отношении французского языка»⁴⁰. Тем не менее, возможные изъяны во владении французским не делают англичан дикарями в континентальном представлении⁴¹. Это черта относительной «испорченности» или даже недостаточности знания французского в Англии и Шотландии, как представляется, роднит эти королевства и является важной основой формирования общей культурной идентичности. Помимо всего этого, не стоит забывать также и о значительной роли английского языка, как языка общения в Шотландии, о чём будет сказано подробнее ниже.

По этой причине, нам кажется более убедительной точка зрения Эрика Хейвуда, который связывает представления о дикости Шотландии и Ирландии с их исключённостью из антично-римской цивилизационной ойкумены⁴². В этом смысле, наиболее пока-

⁴⁰ l'autre si est, si le franceis ne soit pas bon, jeo doie estre escusee, pur ceo qe jeo sui engleis et n'ai pas moelt hauntee le franceis. (*Henry of Lancaster. Le Livre de Seyntz Medicines* /Ed. Arnould E. J. Oxford, 1940. P. 239). См. также: *Fletcher, C. Langue et nation en Angleterre à la fin du moyen âge*, in: *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques*. 2012. Т. 2. N 36. P. 238).

⁴¹ В то же время, как отмечает Рауль Фьеве, многие континентальные хронисты и путешественники (в том числе и Фруассар) писали о невосдержанности и жестокости, являющейся отличительной чертой как англичан, так и островитян в целом (*Fievet, R L'ambivalence de l'honneur dans l'Angleterre de la fin du Moyen Âge: une force compétitive ou modératrice?*, in: *Médiévales*. N. 70. P. 216). Вера Сукупова отмечает сложную эволюцию образа англичан в Хрониках Фруассара, проходящего трансформацию от восприятия хронистом англичан как олицетворение истинной рыцарской доблести до их описания, как воинственной и жаждущей войны нации в 1380–1390-е гг. Исследовательница связывает эту трансформацию как со становлением концепта «национальной идентичности» в Хронике, так и с агрессивной по отношению к Франции риторикой со стороны ряда английских лордов, грезивших о военной славе времён Эдуарда III, позиции, которую Фруассар не считал приемлемой. См.: *Soukupová, V. La construction de la réalité historique chez le chroniqueur Jean Froissart*. PhD. Paris, 2016. P. 59–61.

⁴² *Haywood, E. Humanism's Priorities and Empire's Prerogatives: Polydore Vergil's Descrip-*

зательным примером, приводимым историком в качестве основного аргумента, являются воззрения Энея Сильвио Пикколомини (будущий папа Пий II). В *De Europa* он пишет: «Мы слышали, что в Шотландии раньше было дерево, росшее на берегу реки и дававшее плоды в виде уток. Когда эти плоды были близки к созреванию, они опадали сами по себе, иные на землю, иные в воду; и также слышали, что те, что упали на землю сгнивали, но те, что упали в воду, быстро оживали и начинали плавать под водой, а затем сразу же взлетали в небо с помощью перьев и крыльев, но, когда мы исследовали этот вопрос с большей тщательностью, мы узнали, что эти чудеса всегда улетают в отдалённые части и что известное дерево может быть найдено не в Шотландии, а на Оркнейских островах»⁴³. Пикколомини берёт это описание белощёкой казарки из «Топографии Ирландии» Гиральда Камбрийского, но по некоей причине помещает это «чудо» в Шотландию, хотя, несомненно, он понимал, что Ирландия и Шотландия — разные страны. Аргумент Хейвуда, в данном случае, сводится к тому, что «механическое перенесение» чуда из одного региона в другой свидетельствует о их тождественности в понимании гуманиста как территорий, отчуждённых от цивилизации тем, что они не попали в орбиту римского влияния, в то время, как в тех частях Европы, которые познали римское владычество никаких «чудес» не происходит⁴⁴. Косвенно это может быть подтверждено письмом, отправленным Пикколомини сиенцам в 1436 г., после прибытия Энея из Шотландии: «Возможно, некоторые из вас поражены тем, что столь много месяцев прошло без отправки мною каких-либо писем, но в течение семи месяцев я находился за пределами цивилизованного мира, в королевстве Шотландия, куда мой господин, кардинал Санта-Кроче, послал меня и у меня не было возможности писать оттуда, и не было такой необходимости, так как там не было сделано ничего в отношении вашей республики»⁴⁵.

tion of Ireland, in: *Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History*. 2009. Vol. 109. P. 200.

⁴³ *Aeneas Sylvius Piccolomini*. *De Europa* / Ed. Adrian Van Heck. Città del Vaticano, 2001. P. 187.

⁴⁴ *Haywood, E. Humanism's Priorities and Empire's Prerogatives...* P. 200.

⁴⁵ *Aeneas Sylvius Piccolomini. Reject Aeneas, Accept Pius: Selected Letters of Ae-*

Итак, на наш взгляд, наиболее важным фактором, объясняющим исключённость Шотландии и Ирландии из «цивилизованного сообщества», является их независимый по отношению к областям Европы, некогда подчинённым римскому влиянию, характер. Эта точка зрения не характерна для инсулярной историографии⁴⁶. В тоже время, как мы увидим, цивилизаторская идея, присущая описанию обучения ирландских вождей у Фруассара, в целом, разделяется как шотландскими, так и английскими авторами.

Шотландия в инсулярной историографии: конструирование «внутренних дикарей»?

В английской хронистике эпохи позднего средневековья образ Шотландии мало отличается от того, что был продемонстрирован нами выше. Так, автор «Хроники Ланеркоста» пишет о военной компании Эдуарда I в Шотландии: «[Король Эдуард] продвигаемый вперёд королевской неустрашимостью в области непостоянных обитателей Мори (*in partes instabilium Moravia populorum*), куда, после [короля] Артура, никого, кто смог бы проникнуть, вы не смогли бы обнаружить в древних свитках, [для того] чтобы внимательно осмотреть с рассеянными военными отрядами горы и леса, а также отвесные скалы, каковые местные жители привыкли

neas Sylvius Piccolomini (Pope Pius II) / Trans. Th. M. Izbicki, G. Christianson, Ph. Krey. Washington, DC, 2006. P. 84.

⁴⁶ Как убедительно продемонстрировали Андреа Раддик и Кати Лавеццо, периферийное положение Британии в целом, и Англии в частности, не рассматривалось английскими интеллектуалами, такими как Роберт Гроссетест, Ранульф Хигден, Матвей Парижский и т.д., как недостаток, а скорее, как основание английской исключительности, см.: *Ruddick, A. English Identity and Political Culture in the Fourteenth Century*. Cambridge, 2013. P. 53–54.; *Lavezzo, K. Angels on the Edge of the World: Geography, Literature, and English Community, 1000–1534*. Ithaca; London, 2006. P. 80–85. Оливье де Лабордери подчёркивает эту особенность на примере генеалогических свитков, источника достаточно распространённого. Помимо традиционного описания плодородности и обильности земли, периферийное положение Англии, а также её чудеса, такие как Стоунхендж или мифическая раса гигантов, некогда населявших Британию, — все эти факторы, как полагает исследователь, вносили значительный вклад в представление англичан о своей земле, как о «королеве всех островов», и о самих себе, как об избранном народе (*De Laborderie, O. Histoire, mémoire et pouvoir. Les généalogies en rouleau des rois d'Angleterre (1250–1422)*. Paris, 2013. P. 373–375).

считать, как будто бы это крепость»⁴⁷. Этот отрывок наглядным образом демонстрирует партизанские методы ведения войны, используемые шотландцами, умело использующими рельеф местности в качестве естественных преимуществ перед вторгшимися в королевство англичанами. Военные неудачи англичан в Шотландии объясняются неблагоприятным для ведения войны ландшафтом и суровым климатом. Сэр Томас Грэй из Хетона в своём сочинении *Scalacronica*, описывая поражение англичан при Бэннокберне, приводит в качестве одной из его причин то, что отступающие англичане случайно оказались в болотистой местности, в результате чего не были способны дать адекватный отпор шотландцам: «Некоторые из них (англичан. — *A. P.*) бежали в замок, другие в состав королевской армии, которая уже свернув с дороги через лес, оказалась на равнине у вод [реки] Форт, ужасного, глубокого, сырого болота, [расположенного] недалеко от Бэннокберна, где названная английская армия, распрягавши лошадей, оставалась здесь всю ночь, потеряв, к сожалению, свой кураж и будучи чрезвычайно разочарованной событиями прошедшего дня»⁴⁸. Последующие успешные нападения шотландцев были вызваны в том числе и этими причинами.

В описании английскими хронистов диким выглядел не только пейзаж страны, но и нравы шотландцев. Автор одной из наиболее популярных и распространённых хроник позднего английского средневековья, используемых в первую очередь как сугубо исторический нарративы⁴⁹, Ранульф Хигден, даёт следующее описа-

⁴⁷ Progressus est ulterius animositate regia in partes instabilium Moraviae populorum, ubi post Arthurum nullum in antiquariis reperies permeasse, ut montes et silvas ac saxa praerupta, quae indigeni solent reputare quasi castra, dispersis agminibus, perlustraret (Chronicon de Lanercost, 1201–1346: e codice Cottoniano nunc primum typis mandatum / Ed. Stevenson J. Edinburgh, 1839. P. 182).

⁴⁸ autres al ost le roy, qy ia auoint guerpy la voy du boys estoit venuz en vn plain deuers leau de Forth outre Bannokburn, vn mauueis parfound ruscelle marras, ou le dit ost dz Engles detruissent, demurrerent tout nuyt, durement auoint perdu countenance, et estoit de trop mal couyne pur la iournee passe (*Syr Thomas Gray. Scalacronica* / Ed. J. Stevenson. Edinburgh, 1836. P. 141–142. См. также: *Ruddick, A. English Identity and Political Culture in the Fourteenth Century. Cambridge, 2013. P. 58*).

⁴⁹ В исследовательской литературе выделяется как минимум 120 дошедших до нас манускриптов Хроники Хигдена (*De Laborderie, O. Histoire, mémoire*

ние обычаев обитателей северного королевства: «К врагам [шотландцы] жестоки, рабство совершенно они презирают. В постели умереть они считают за леность, на поле битвы быть убитым они считают честью. Воздерживаясь от пищи, в течении долго времени голод они выдерживают. Редко до восхода солнца они едят /.../ И, хотя они изящной формы, однако одеждой своей обезображены. Отечественные обычаи они почитают, [повадки] чужих презирают. Земля их достаточно обильна на пастбища, луга и поля»⁵⁰. В этом пассаже, шотландцы предстают столь же автономной этнической общностью, как и у Фруассара, они не желают перенимать обычаи, присущие «цивилизированному миру», к которому принадлежит континентальная Европа и Англия. Оговорка о том, что шотландская земля богата полями и пастбищами отнюдь не свидетельствует о признании, вопреки отмеченному выше топосу Шотландии как плодородной земли. Как справедливо указывает Андреа Раддик, Хигден разделяет и противопоставляет Англию, как плодородный уголок земли, столь богатый зерновыми культурами, что способен обеспечить европейский континент во время голода, и соседние с Англией королевства и подчинённые ей территории, как малоплодородные и бедные пищевыми ресурсами, конкретизируя эту особенность на примере Англии и Уэльса⁵¹.

Схожие описания мы, однако, можем увидеть у шотландских хронистов. Так, Джон Фордун, в своих «Хрониках Шотландского народа», описывает топографию шотландского королевства следующим образом: «Также прибрежные области [Шотландии] достаточно равнинные и плодородные имеют зеленые луга и поля плодородные и обильные, зерновые и ячменные, фасолью, горохом, и другими всякими плодами усеянные; однако без винограда

et pouvoir... P. 146).

⁵⁰ In hostes saevi, servitutum summe detestantur. In lecto mori reputant segnitium, in campo interfici arbitrantur gloriam. Parci victu, diutius famem sustinent. Raro ante solis occasum comedunt /.../ Et cum sint elegantis formae satis tamen ex proprio habitu deformantur. Paternos ritus commendant, alienos asperrantur. Terra eorum satis fertilis in pascuis, hortis, et agris (Polychronicon Ranulphi Higden maonachi Cestrensis; together with the English translations of John Trevisa and of an unknown writer of the fifteenth century /Eds. Babington C., Lumby J. R. London, 1872. P. 386).

⁵¹ Ruddick, A. English Identity and Political Culture in the Fourteenth Century. Cambridge, 2013. P. 57–58.

и масла, но отнюдь не без мёда и злаков. Но поля, что на вершинах, что вблизи горных провинций, менее пригодны для плодов, за исключением, однако, овса и ячменя. Местности эти очень отвратительны из-за [природных] препятствий в этих местах, болотистыми областями, полными грязи и пустошей, усеяны; однако подходящими для выпаса скота пастбищами, и одинаково спускающимися вдоль вод долинами зелени [эти местности] прекрасны»⁵². Этот пассаж очень важен не только в силу того, что он демонстрирует чёткое понимание автором региональных различий внутри Шотландского королевства⁵³, но также по той причине, что характерные для описания Севера топоры «неплодородности и скудности рельефа» проецируются на горные северные области Шотландии, в то время как Лоуленд являет собой столь же обильную землю, как и Англия для Хигдена и многих других английских авторов. Описание Фордуном нравов шотландских горцев в той же мере соответствует данной точке зрения. О них он сообщает следующее: «Однако манеры поведения Скоттов, сообразно языковым различиям, изменяются; в действительности, они пользуются двумя языками, а именно, Шотландским и Тевтонским (Английским — А.П.), какового (Английского) [в качестве своего] языка придерживаются люди, живущие в прибрежных и равнин-

⁵² *Regiones quoque maritimas satis planas et uberes habet virides campos habentes ac agros fertiles et frugiferos, frumentarios et ordeaceos, fabis, pisis, ac ceteris quibusque frugibus aptos; vini tamen expertes et olei, sed mellis et cerse nequaquam. Sed et in summis et secus montana provinciis, agri frugibus, exceptis avenis tantum et ordeo, sunt minus habiles. Eura multum ex moris ibidem sunt tetra, pahistribus arvis, luteis et squalosis conspersa; pascuosa tamen armentorum herbagiis, et juxta decursus aquarum virore convallibus sunt decora.* (Johannis de Fordun. *Chronica Gentis Scotorum*. Edinburgh, 1871–1872. P. 41).

⁵³ Схожие топоры могут иметь достаточно широкое, хотя, разумеется, далеко не повсеместное хождение, и использоваться в сугубо практических целях. Так, епископ Абердина Уильям Элфинстоун, обосновывая в своём послании папе необходимость основания третьего *studium generale* в Шотландии, в том числе и с целью увеличения престижа своей кафедры, отмечает, что северная Шотландия «некультурна, невежественна и почти варварская». Несмотря на тот факт, что Элфинстоун вряд ли разделял этот стереотип, этот пример наглядно демонстрирует его практическую значимость. См.: *Woodman, I. Education and Episcopacy: The Universities of Scotland in the Fifteenth Century*. St. Andrews, 2011. P. 50.

ных регионах, по правде говоря, Шотландский язык распространён у тех, кто населяет горы и удалённые острова. Люди, которые происходят из всякого прибрежного региона образованные, надёжные, терпеливые, и проживают в городах, соответственно приличной одеждой они покрыты, цивилизованны и миролюбивы, относительно божественного культа набожны, но и к злодеяниям врагов, которым должно сопротивляться, они всегда готовы. Воистину, живущие на островах или в горах, есть жестокий народ и необузданный, грубый и независимый, к грабежу склонный, праздность ценящий, по природе своей сообразительный и умный, фигурой [тела] прекрасный, но одеждой [своей] обезображенный, по правде, [не только] к Англичанами и [их] языку, но и к собственной нации, из-за языкового разнообразия, постоянно враждебный и безжалостный. Тем не менее, королю и королевству верные и покорные, и столь же легко законам подчинённые, если ими править»⁵⁴. Далее Фордун, ссылаясь на Исидора, находит горцев более схожими с ирландцами: «Шотландская нация изначально является тою, каковая некогда в Ирландии обитала, и той (т. е. Ирландии) схожа во всём, в языке, в обычаях и [самой своей] природе. Поэтому [Шотландская] нация легкомысленна, по духу свирепа, жестока к врагам, до такой степени, что обыкновенно убивает [врагов] почти тогда же, когда [их] поработает; в постели умереть [Шотландская нация] полагает ленью, честью [среди них] считается и мужественностью что быть убитым на поле [боя] врагами, что самим убивать; [Шотландская] нация воздерживается от пищи, и голод долгое время выдерживаем [горцами], и редко до восхода

⁵⁴ Mores autem Scotorum secundum diversitatem linguarum variantur; duabus enim utuntur linguis, Scotica, videlicet, et Theuthonica, cujus linguae gens maritimas possidet et planas regiones, Scoticae vero [linguae] montanas inhabitat et insulas ultérieures. Maritima quoque domestica gens est et culta, fida, patiens et urbana, vestitu siquidem honesta, civilis atque pacifica, circa cultum divinum devota, sed et obvian-dis hostium injuriis semper prona. Insulana vero sive montana, ferina gens est et indomita, rudis, et immorigerata, raptu capax, otium diligens, ingenio docilis et cal-lida, forma spectabilis, sed amictu deformis, populo quidem Anglorum et linguae, sed et propriae nationi, propter linguarum diversitatem, infesta, jugiter et crudelis. Regi tamen et regno fidelis et obediens, nec non faciliter legibus subdita, si regatur (Johannis de Fordun. Chronica Gentis Scotorum. Edinburgh, 1871–72. P. 42).

солнца позволяют себе вкушать пищу»⁵⁵. Это описание в значительной мере схоже с тем, которое даёт шотландцам Ранульф Хигден. Параллели между этими двумя текстами кажутся тем более разительными, если учесть, что атрибутируемое Фордуном Исидору описание шотландцев, по мнению ряда исследователей, может быть заимствовано из энциклопедии «О свойствах вещей» (*De proprietatibus rerum*) Бартоломея Английского⁵⁶. В главе «О Шотландии» Бартоломей пишет: «Этот же народ (скоты . — А. П.) изначально тому, что некогда в Ибернии [обитал], прежде всего схож и в языке, и в обычаях, и по природе своей, действительно, народ [этот] юн душой (т.е. пребывает в «первобытном» состоянии), дик, жесток к врагам до такой степени, что убивает [их], ровно тогда, когда подчиняет. В постели умереть они считают ленью, однако, на поле [боя] против врагов бесстрашны, поскольку, будучи убитыми они прославляются, считая, что [это] доблесть. [Этот] народ от еды воздерживаясь, долго голод выдерживает и редко до того [как солнце взойдёт они едят] <...> и хоть [шотландская] нация, в основном, по природе своей достаточно приятной фигуры и красивой внешности, тем не менее, очень их обезображивают собственные повадки или шотландская одежда»⁵⁷.

⁵⁵ Nam gens est levis, animo ferox, saeviens in hostes, tantum fere mortem diligens, quam servitutum, in lecto mori reputans segnitiam, interfici campo per hostes ut interficiat, gloriam arbitrans et virtutem, gens parci victus, famemque diutius sustinens, et raro ante solis occasum se super cibum effundens (Johannis de Fordun).

⁵⁶ MacGregor, M. Gaelic Barbarity and Scottish Identity in the Later Middle Ages / Ed. Broun D. Mìorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?» Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern. Glasgow, 2007. P. 14.

⁵⁷ eadem gens ab initio, que quondam in Hybemia, ei super omnia similis in lingua et in moribus et in natura, nam gens est levis animo, ferox, seviens in hostes, <...>, tantum fere mortem diligentes, quantum servitutum. in lecto mori reputantes segnitiam, in campo autem contra hostem interriti, ut interficiantur gloriantes, arbitantes esse virtutem. gens parci victus, famem diutius sustinens et raro ante occasum <...> et cum populus sit satis elegantis figure et faciei pulcre generaliter a natura, multum tamen eos deformat proprius habitus sive Scotica vestitura. Цит. по: Schönbach, A. Des Bartholomeus Anglicus. Beschreibung Deutschlands gegen 1240, in: *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. 1906. Bd 17. S. 62. Этот стереотипизированный конструкт, судя по всему, имеет чрезвычайно широкое распространение, поскольку встречается далеко за пределами Британских островов. Так, очень схожее описание Шотландии мы находим в из-

Как мы видим, и Фордун, и Хигден, используют практически идентичные с описанием Бартоломея фразы. Однако присутствуют и различия. Хигден, транслируя нарратив Бартоломея, делает акцент на «цивилизаторской» роли Англии, указывая, что «Скоты душой непостоянны, достаточно невежественные и дики⁵⁸, но смешением с Англами, они частично исправляются»⁵⁹. Как представляется, Хигден акцентирует на этом большее внимание, поскольку «исправление» шотландцев в его повествовании предстаёт как будто бы этот процесс происходит на его глазах. Бартоломей,

вестной *Mapa Mundi* венецианского монаха-картографа Фра Мауро: «Шотландия кажется соседствует с Англией, но отделена водой и горами южной [своей] части [от неё] и [шотландский] народ распущен и яростен и жесток против врагов и скорее предпочтёт смерть, чем рабство, но остров чрезвычайно плодороден и [обилён] пастбищами, реками, питьевыми источниками и животными и всеми иными вещами и равен [в этом] Англии» (*Scotia come apar è contigua cum anglia ma divisa da aqua e da monti da la parte meridional e la gente è liçiera e feroce e crudel contra i nimici e piutosto eleçeriano lamorte cha la servitù, ma l'insula è fertillissima et de pascoli, fumere, fontane et animali ede tute altre cosse e equal ad anglia*), см.: Il mappamondo di Fra Mauro / Ed. D. Tullia Gasparini Leporace. Rome, 1956. P. 60).

⁵⁸ Здесь Хигден использует прилагательное *silvestris*, которое также может быть переведено, как «живущие в лесах». Бартоломей также использует именно это слово для описания гэлоязычных шотландцев и ирландцев (*silvestres tamen Scoti, sicut et Hybernici*). Как полагает Даувит Броун, нарратив Бартоломея можно рассматривать как свидетельство того, что дихотомия между равнинной и горной Шотландией существовала и до XIV в., о чём будет сказано ниже. Исследователь также отмечает, что в англо-нормандском переводе Бартоломея, написанном в третьей четверти XIII в., *silvestris* переводится, как те, «кто живут в пустошах». При этом, они «столь же дикие, как и простые Ирландцы, и не придерживаются ни добрых, ни куртуазных манер, как и они (ирландцы)» (*Mes les uns de eus ki habitant es guastines sunt tuz sauvages aussi cum les pur Ireys, e ne tenent nule manere si bone ne si curtaise com la lur*) (*Barthélemy L'Anglais: Le Livre des Regions* / Ed. B. A. Pitts, in: *Anglo-Norman Text Society, Plain Texts Series*. 2006. Vol. 15. P. 43). В среднеанглийском переводе Тревиза, однако, употребляется слово *wylde* – «дикие», что, очевидно, отражает чёткую связь между лесными, невозделанными массивами и дикостью. См.: *Broun, D. Attitudes of Gall to Gaelic in Scotland before John of Fordun* / Ed. Broun D. Miorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?» *Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern*. Glasgow. 2007. P. 59; *Ruddick, A. English Identity and Political Culture in the Fourteenth Century*. Cambridge, 2013. P. 57.

⁵⁹ *Polychronicon Ranulphi Higden maonachi Cestrensis*. P. 386.

однако, полагает иначе: «Однако к этому времени (курсив наш. — А. П.), многие изначальные обычаи [шотландского] народа из-за смешения с Англичанами в наибольшей мере к лучшему изменились, и английскому языку они обучились. Откуда всякий, кто достойное и более благородное в тех (т.е. шотландцах. — А. П.) найдёт, [должен знать, что] от Англичан [это] взято»⁶⁰. Нет ничего удивительного, что Фордун опускает этот пассаж в своей хронике, не желая акцентировать эту черту. Вместе с тем, Хигден исключает из своего повествования языковую дихотомию, на которой Бартоломей также акцентирует внимание своих читателей: «Однако, живущие в лесах (т.е. дикие) Скоты, ровно, как и Ирландцы, и в поведении, и в языке (курсив наш. — А. П.), и в образе жизни, и в других обычаях следовать отцовским стопам честью считали»⁶¹. Примеры позитивного восприятия англичанами равнинных шотландцев могут быть дополнены. Так автор «Хроники Ланеркоста», описывая брачный союз между норвежским королём Эриком II и Маргаритой Шотландской, подчёркивает «цивилизаторский» характер королевы: «Она (Маргарита — А.П.), вскоре после того, как была торжественно коронована, и избранными родственниками перед всеми провозглашена, столь любезною к королю и его [подданным] себя держала, что [их] манеры к лучшему изменила, Английскому и Французскому языкам их научила, и наставляла [их] в наиболее достойной одежде и пище»⁶². Подобное описание подчёркивает близость Шотландии и Англии, общность языков и принадлежность к куртуазной культуре. Кроме того, культурное и лингвистическое единство Англии, равнинной Шотландии,

⁶⁰ Mores autem primeve gentis multi ex eis ex admixtione cum Anglis in maxima parte his temporibus in melius mutaverunt [atque Anglorum ydiomate informantur. unde quicquid decens et honestius in illis invenitur, ab Anglicis est contractum], цит. по: Schönbach, A. Des Bartholomeus Anglicus Beschreibung Deutschlands gegen 1240, in: *Mitteilungen des Instituts für Osterreichische Geschichtsforschung*. 1906. Bd 17. S. 63.

⁶¹ silvestres tamen Scoti, sicut et Hybernici, in habitu, in lingua et in victu et in aliis moribus paterna sequi vestigia gloriam arbitrantur (Schönbach, A. Des Bartholomeus Anglicus).

⁶² Ipsa postmodum solemniter coronata et de eximia parentela coram omnibus proclamata, tam gratiose erga regem et suos se habuit quod mores in melius mutavit, idioma Gallicum et Anglicum eum docuit, et de indumentis et esculentis honestius instituit (Lanercost. P. 105).

а также прибрежных и равнинных, «англикизированных», районов Уэльса и Ирландии, как отмечает Рис Дэвис, наглядно постулировалось и посредством общего политического языка, хотя и в различных его проявлениях, а также, в отношении валлийцев и ирландцев, в стремлении к включенности в систему английского патронажа, пусть и на положении периферии⁶³. Эта общая политическая культура выражалась в императивном стремлении к политическому единству монархии, противопоставляемому внутренним английским усобицам XII–XIII веков, чёткому определению пределов и границ власти, как на местах, так и на высших уровнях королевства, о чём ещё будет сказано чуть ниже. Поэтому, англичане не чувствовали себя чуждыми находясь в равнинной Шотландии XIII в.⁶⁴. Этой политической и лингвистической близости, как отмечает Дэвис, английские хронисты (например, Уильям Ньюбургский) уже в XIII в. противопоставляют фрагментарность северной и горной Шотландии и нативных ирландских территорий, дополняя своё описание, тем фактом, что и сама Англия некогда была разделена на несколько королевств⁶⁵. Косвенно, это также вписывается в широкие представления о «доцивилизованном» характере политической системы и культуры гэлоязычных районов Британии. Почему же тогда Хигден не делает различия между равнинными и горными шотландцами, объединяя их всех как дикарей? Причина, по которой данные топосы «дикости» переносятся на всё шотландское королевство в XIV–XV вв., как убедительно показывает Андреа Раддик, была связана со вспышкой военной активности между Англией и Шотландией в конце XIII в. Исследовательница также склонна полагать, что данный стереотип на начальном этапе своего существования вряд ли воспринимался как истинный, поскольку англичане, как в случае Ральфа Пипарда,

⁶³ *Davis, R. R.* The First English Empire. Power and Identities in the British Isles 1093–1343. Oxford, 2000. P. 92. Также см.: *De Falco, F.* Opere cortesi, modelli letterari e fazioni politiche nello spazio Plantageneto (XII–XIII sec.): Il De Nugis Curialium e la Topographia Hibernica alla luce degli obiettivi dei loro autori. PhD. Avignon, 2019. P. 199–200.

⁶⁴ *Davis, R. R.* The First English Empire. Power and Identities in the British Isles 1093–1343. Oxford, 2000. P. 94.

⁶⁵ *Davis, R. R.* The First English Empire. P. 95.

могли посещать Лоуленд⁶⁶. Таким образом, представления о дикости Шотландии в английских нарративных и актовых источниках представляют собой явления, относительно новые для эпохи, в которой творил Хигден, и возникшие в результате политических трений⁶⁷.

Как уже было показано выше, языковая и политическая близость англичан и шотландцев отчётливо постулируется шотландскими хронистами позднего средневековья. Однако, точная датировка возникновения дихотомии между равнинной и горной Шотландией вопрос дискуссионный и не решенный на данный момент. Рассмотрение данного вопроса выходит за рамки данного исследования, однако ряд важных для понимания того, каким образом формировалась культурно-политическая общность Англии и равнинной Шотландии должны быть отмечены. Даувит Броун полагает, что истоки языковой «схизмы» следует искать в XIII в.⁶⁸, отмечая, что уже в Хронике Мелроуза «скоты» характеризуются как воинственные и безбожные воины⁶⁹. Это было связано в первую очередь с тем, что сами монахи не осознавали себя как «скоты» вплоть до 1220-х гг., а лишь как «живущие в Шотландии». Окончательная шотландская, а не «англо-континентальная», идентификация самих себя, у монахов Мелроуза приходится только

⁶⁶ Четкое понимание шотландского языкового деления очевидно и для более поздних авторов. Томас Грэй, повествуя об истоках шотландского королевства, сообщает: «Каковые пикты не имели жен, и, поскольку бритты не могли выдавать своих женщин за них, они искали женщин из Ирландии, на том условии, что их потомство должно говорить по-ирландски, каковой язык остаётся в наши дни в Высокогорье (*haute pays*), среди тех, каковых называют Скоты» (*Lez queux Pices ne auoint my moillers, et par cause qe lez Bretouns ne voloint my marier od eaux, sez qistrent femmes hors de Ireland, sure condicioun qe lour issu parlascent Irrays, quel patois demurt a iour de huy hu haute pays entre lez vns, qest dit Escotoys*), см.: *Syr Thomas Gray. Scalacronica / Ed. J. Stevenson. Edinburgh, 1836. P. 115*).

⁶⁷ *Ruddick, A. English Identity and Political Culture in the Fourteenth Century. Cambridge, 2013. P. 146.*

⁶⁸ В этом отношении, автор расходится с более ранней и авторитетной версией Джеффри Бэрроу о том, что дихотомия между Высокогорьем и равнинной Шотландией кристаллизуется только к середине XIV в. См.: *Barrow, G. W. S. Scotland and its Neighbours in the Middle Ages. London; Rio Grande, 1992. P. 105–127.*

⁶⁹ *Broun, D. Attitudes of Gall to Gaedhel in Scotland before John of Fordun... P. 66–68.*

на 1270–1280-е гг.⁷⁰ Именно с этой трансформацией шотландской самоидентификации учёный связывает истоки стигматизации горцев, выделяемых «цивилизованными шотландцами», разделяющими англо-французскую, а шире — континентальную или христианскую, культуру, в отдельную и антагонистичную культурно-этническую среду⁷¹. Эта дихотомия подкреплялась политическим мышлением шотландских хронистов, которое, подобно английскому, охарактеризованному Рисом Дэвисом, также императивно стремилось к установлению сильной королевской власти, способной усмирить внутренние конфликты среди шотландских магнатов и обеспечить королевству мир⁷². Иными словами, эти «новые» шотландцы ощущали самих себя вполне цивилизованными, отделяя себя от тех, кого они считали культурно чуждыми «дикими» горцами, хотя те и продолжали оставаться шотландцами.

Эта «трансляция варварства» на более северные регионы внутри королевства среди монархий, которые сами оказываются в рамках подобной стигматизации, отнюдь не удивительна. Так, например, в своём письме папе Каликсту III от 1457 г. датский король Кристиан I, объясняя невозможность собственного участия в крестовом походе против турок, пишет, что его королевство постоянно подвергается нападкам из горных районов Швеции и Норвегии, которые на тот момент также входили в состав Кальмарской монархии. Эти варвары, подобные агарянам (т.е. туркам), нападали на христиан огромными полчищами в 150 тыс. человек (что, разумеется, значительное преувеличение), опустошая земли королевств Кристиана⁷³.

Всё это в полной мере может быть дополнено и природными факторами, такими как эпидемия чумы, и языковыми трансформациями, которые переживало шотландское общество в позднее средневековье. Как отмечает Дженни Уормалд, к 1350 г. рас-

⁷⁰ Broun, D. *Scottish Independence and the Idea of Britain: From the Picts to Alexander III*. Edinburgh, 2007. P. 165.

⁷¹ Broun, D. *Attitudes of Gall to Gaedhel in Scotland before John of Fordun...* P. 79.

⁷² Broun, D. *Attitudes of Gall to Gaedhel in Scotland before John of Fordun...* P. 82.

⁷³ *Epistolae regis Christiani I vel ad eum scriptae* / Ed. Langebek J. *Scriptores rerum danicarum medii aevi*. VIII. P. 380. См. подробнее: *Jensen, E. M. Denmark and the Crusades: 1400–1650*. Leiden, Boston, 2007. P. 84–85.

пространённость гэльского языка в Шотландии начинает стремительно сокращаться и уже к XV в. он переходит на позиции «второсортного языка»⁷⁴. В то же время, шотландский диалект английского языка воспринимался современниками именно как английский, никаких свидетельств того, что шотландцы на протяжении XIV и большей части XV в. воспринимали свой язык как обособленный от английского и самодостаточный, не существует⁷⁵. Лишь в конце XV–начале XVI в. шотландцы начинают именовать свой язык как *Scots*, под которым он известен на сегодняшний день, однако такая трансформация происходила постепенно⁷⁶. Для Эндрю из Уитона, автора одной из первых (начало XV в.) всеобъемлющих шотландских хроник на среднешотландском языке, английский, несомненно, являлся родным языком. Когда он пишет «наш язык» (*oure langage* или *oure leid*), он подразумевает английский. Причины войн за независимость Шотландии Эндрю из Уитона находит не в извечной англо-шотландской вражде, а в тирании Эдуарда I, который возжелал уничтожить древние свободы шотландцев, в том числе и говорящих на английском языке⁷⁷. Столь значимая роль английского языка осознавалась и на государственном уровне. Так текст Леулингамского договора 1390 г. между Ричардом II и Карлом VI было решено перевести на «наш язык», чтобы все подданные шотландского короля могли понять и соблюдать условия договора⁷⁸. Подобное языковое разделение транслировалось и на низовой уровень. Любопытным источником, раскрывающим повседневное восприятие жителями Лоуленда и Халиенда друг друга являются стихотворные флайтинги. Одним из первых таких стихотворных баталлий, дошедших до нас, является флайтинг Данбара и Кеннеди, состоявшийся при

⁷⁴ *Wormald, J. Court, Kirk, and Community: Scotland 1470–1625*. London, 1981. P. 61.

⁷⁵ *A Companion to Medieval Scottish Poetry* / Eds. Bawcutt P., Williams J. H. Woodbridge, 2006. P. 4

⁷⁶ *Hendricks, J. A Battle of «Trechour Tung[s]»: Gaelic, Middle Scots, and the Question of Ethnicity in the Scottish Flying*, in: *Fifteenth-Century Studies* / Eds. Gusick B. I., Heintzelman M. Z. Vol. 37. Woodbridge, 2012. P. 83.

⁷⁷ *Boardman, S. A People Divided? Language, History and Anglo-Scottish Conflicts in the Work of Andrew of Wyntoun*, in: *Smith, B. Ireland and the English World in the Late Middle Ages*. London: Palgrave Macmillan. 2009. P. 117.

⁷⁸ *Boardman, S. A People Divided?* P.119.

дворе короля Якова IV между макаром Уильямом Данбаром и Уолтером Кеннеди, представителем клана Кеннеди, происходившим из гэлоговорящей части Галлоуэя, с высокой долей вероятности владевшим гэльским языком. Как отмечает Жаклин Хендрикс, жанр флайтингов был доступен и хорошо понятен подавляющей части шотландцев, так как состоял из хорошо известных им идиом⁷⁹. Кроме того, не вызывает сомнений присутствие при дворе Якова IV выходцев из Хайленда, которые могли быть свидетелями данного представления⁸⁰. Данбар в полной мере использует гэльское происхождение Кеннеди, как способ для атаки. Он пишет: «Разбойник, ирландский (т.е. горный) бард, гнусный попрошайка со своим отродьем <...> Твой предательский язык поёт с хайлендским визгом»⁸¹. Хендрикс справедливо отмечает, что описание языка Кеннеди как «предательского» можно рассматривать как очередную констатацию угрозы, которая исходит от жителей Хайленда по отношению к Лоуленду⁸². Джон Фордун, как было показано выше, выводит дикость нравов горцев из языка, на котором те говорят. Ненависть, которую те испытывают по отношению к англичанам, по его мнению, вытекает из непонимания ими языка обитателей Лоуленда. Луиза Фраденбург справедливо отмечает, что Фордун допускает преодоление дикости горцев путём подчинения их королевским законам. Исходя из этого, она справедливо делает вывод о том, что в среде обитателей Лоуленда существует чувство собственного превосходства, выраженное в очевидном колониационном импульсе, благодаря которому они желают превратить жителей Хайленда в «добрых шотландцев»⁸³. Дихотомия между равнинной и горной Шотландией также отражена и в актовом материале средневековой Шотландии. Наиболее показательным, хотя и не первым упоминанием Хайленда как отдельной террито-

⁷⁹ Hendricks, J. A Battle of «Trechour Tung[s]»: Gaelic, Middle Scots, and the Question of Ethnicity in the Scottish Flying, in: *Fifteenth-Century Studies* / Eds. B. I. Gusick, M. Z Heintzelman. Vol. 37. Woodbridge, 2012. P. 85.

⁸⁰ Hendricks, J. A Battle of «Trechour Tung[s]».

⁸¹ William Dunbar. *The Complete Works* / Ed. Conlee J. Kalamazoo, 2004. P. 183.

⁸² Hendricks, J. A Battle of «Trechour Tung[s]». P. 84.

⁸³ Fradenburg, L. O. *City, Marriage, Tournament: Arts of Rule in Late Medieval Scotland*. Madison, Wis: University of Wisconsin Press. 1991. P.169.

риальной общности на ряду с Лоулендом, на наш взгляд, являются свитки последнего парламента короля Роберта II, заседавшего в 1389 г., среди которых можно обнаружить следующие записи: «во-первых, и прежде всего пусть будет постановлено, чтобы высшее правосудие, которое должно быть установлено во всём королевстве, как в общем, так и в частности, как в высокогорных, так и в низинных регионах [Шотландского королевства], посредством юстициариев, виконтов и других офицеров, верных и подходящих [осуществлялось], чтобы обуздать нарушителей по общему праву и наказать без исключения любого, кем бы он не был»⁸⁴.

В то же время, и англичане также осознавали свою языковую близость с шотландцами. В письме папе Сиксту IV от 1481 г., Эдуард IV жалуется понтифику на постоянные нападения шотландцев на своё королевство, даже не смотря на брачный договор между детьми обоих монархов и регулярные выплаты Эдуардом приданного Якову III. В связи с этим, Эдуард, также как Кристиан I, не имеет возможности принять участие в походе против турок, поэтому он предлагает папе надавить на шотландского короля, чтобы тот признал сюзеренитет Эдуарда⁸⁵. Чуть позже, Эдуард, сообщая об успехах армии своего брата Ричарда, герцога Глостера в Шотландии, пишет: «теперь Вашему Святейшеству остаётся только завершить это дело увещеванием; ибо мы желаем, чтобы эти две нации были объединены сердцем и душой также как они близки землями [на которых живут] и языком»⁸⁶. Практически дословно эти заявления будут повторены уже Яковом VI после его восшествия на английский престол.

Важным этапом в восприятии этой языковой общности может служить первый трактат о возможной унии Англии и Шотландии, увидевшего свет в Париже в 1521 г. и озаглавленного «История

⁸⁴ primo et principaliter ordinetur super justicia facienda per totum regnum, tam in generali quam in speciali, tam in superioribus quam in inferioribus partibus, per justiciarios, vicecomites et alios ministros fideles et sufficientes, ut reprimantur transgressores per legem communem et puniantur sine exceptione personarum quarumcumque (The Records of the Parliaments of Scotland to 1707 (RPS) / Ed. K. M. Brown. St Andrews, 2007–2020. 1389/3/2).

⁸⁵ Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice. Vol. P. 142.

⁸⁶ Calendar of State Papers Relating. P.143.

Великой Британии, как Англии, так и Шотландии» (*Historia Majoris Britanniae, tam Angliae quam Scotiae*), написанный шотландским схоластом Джон Мэйром. Он тем более показателен, что возможное сосуществование под скипетром одного монарха Мэйр связывает сугубо с равным положением двух королевств внутри композитарной монархии. О языковой дифференциации северного королевства он пишет следующее: «Вы должны знать, что на острове есть три различных языка, и говорящий на одном не понимает другого. Первым является валлийский язык, [распространённый] в южных частях; он используется бриттами, которые говорят на бриттском языке. Второй язык более распространён на этом острове, он используется дикими и островными шотландцами, это ирландский язык, хотя его можно назвать ломанным ирландским (*Hibernica licet quodammodo fracta*). Третий язык и главный для этого острова — английский, на котором говорят англичане и цивилизованные шотландцы»⁸⁷. Как указывает Мэйр, именно различия в языке заставляют горцев ненавидеть жителей Лоуленда так же, как они ненавидят англичан⁸⁸. На первый взгляд не кажется, что Мэйр представляет в данном пассаже что-то новое. Тем не менее, его подход оригинален тем, что «британская идентичность», на которой может основываться уния, является в его понимании совокупностью культурно-лингвистических практик, разделяемых жителями Лоуленда и англичанами. При этом Мэйр, так же как и Фордун, отмечает, что горцы склонны подчиняться королю и его законам и поэтому восприимчивы к ассимиляции и принятию «цивилизованных» порядков равнинных шотландцев и англичан⁸⁹.

Итак, как было продемонстрировано выше, как для инсularной историографии, так для более широких слоёв населения, и в Англии, и в Шотландии, общий английский язык являлся важнейшим объединительным фактором. Кроме того, именно английский язык способствовал англо-шотландским контактам среди религиозных диссидентов и способствовал распространению лоллардизма в северном королевстве.

⁸⁷ Mair, J. A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 33.

⁸⁸ Mair, J. A History of Greater Britain. P. 34.

⁸⁹ Mair, J. A History of Greater Britain. P. 35.

Английский язык как способ формирования религиозной идентичности

Существование общего языка, который широко циркулировал как в Англии, так и в Шотландии, способствовало религиозным контактам среди жителей этих королевств. В конце XIV в., в период разгара ереси Уиклифа, можно отметить постоянный поток шотландцев в Оксфордском университете. Баллиол-колледж, где преподавал Уиклиф, становится практически исключительным пунктом назначения для шотландцев с 1364 по 1379 гг.⁹⁰ С началом Великой Западной схизмы исследователи связывают заметное увеличение численности английских клириков в шотландских церквях, в том числе среди каноников кафедрального собора Сент-Эндрюса, куда были вынуждены эмигрировать английские сторонники авиньонского папы. Были ли среди них сторонники ереси Уиклифа сказать достаточно трудно, однако существование контактов между английскими лоллардами, шотландскими сторонниками ереси и гуситами, несомненно. Обмен рукописями между Оксфордом и Шотландией в конце XIV в. и приблизительно до 1400 г., когда события Великой схизмы окончательно разделяют эти два королевства, также значителен, что даёт возможность исследователям предполагать, что английская еретическая литература попала в Шотландию именно в этот период⁹¹. Значительную роль в этой коммуникации играл язык. Именно с уиклиффитского перевода Библии Джона Перви, шотландский лоллард Мердок Нисбет осуществил неполный перевод Нового Завета на среднешотландский язык.

Современные исследователи позднесредневековых ересей акцентируют особое внимание на том, каким образом устанав-

⁹⁰ Stevenson, K. Lollardy, Hussitism and the Scottish Inquisition, 1390–1527, in: *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2015. No. 3–4. Vol. 110. P. 687.

⁹¹ Poleg, E. The earliest evidence for anti-Lollard polemics in medieval Scotland, in: *Innes Review*. 2013. Vol. 64. N 2. P. 233. Распространение ереси в Шотландии было столь значительным, что Дитрих Нимский посчитал необходимым поставить Шотландию в один ряд с Богемией, Моравией и Англией, как королевства, напрямую поражённые ересью (*prout palam est in regno Boemie, Moravia, Anglia et Scocia*), см.: Acta Concilii Constanciensis / Hrsg. H. Finke. Münster, 1928. Bd 4. S. 628.

ливались религиозные контакты между сторонниками того или иного диссидентского течения. Как отмечает Майкл ван Дюссен религиозная идентичность англо-богемского еретического сообщества, выражалась в общем дискурсе. Исследователь отмечает схожесть формулировок, с помощью которых английские рыцари-лолларды в своей переписке называют сторонников Гуса (*trewē men* или *trewē prest*, истинные люди, истинные священники)⁹². На наш взгляд, кооптация в это «еретическое единство» шотландцев представляется весьма реальной, учитывая тот факт, что Джон Олдкасл и его сторонники предприняли ряд попыток освободить из английского плена шотландского короля Якова I во время своего неудачного восстания 1414 г.⁹³ Восставшие имели при этом обширные контакты с Черными Дугласами и намеревались восстановить на английском троне самозванца, выдававшего себя за Ричарда II⁹⁴. Данные замечания носят сугубо предварительный

⁹² *Van Dussen, M.* From England to Bohemia: Heresy and Communication in the Later Middle Ages. Cambridge, 2012. P. 66. Представляется весьма схожей с этими взглядами позиция Квентина Флокхарта, шотландца имевшего обширные связи с Богемией и Англией, которую тот изложил в своих письмах, озаглавленных «Новости из Шотландии». В одном из них от 1410 г. он называл себя «пастухом людей, послушных зову, чтобы осудить это зло (имеются в виду злоупотребления духовенства . — А. П.) и проповедовать на родном языке» (*Copiale Prioratus Sanctiandree: the Letter-Book of James Haldenstone Prior of St Andrews (1418–1448)* / Ed. J. H. Baxter. Oxford. 1930. P. 260). В то же время, для далеко идущих выводов у исследователей не хватает источникового материала, поэтому ограниченность данной теории признаётся и самим ван Дюссеном.

⁹³ *Stevenson, K.* Lollardy, Hussitism and the Scottish Inquisition, 1390–1527, in: *Revue d'histoire ecclésiastique*. No. 3–4. Vol. 110. 2015. P. 690

⁹⁴ В 1416 г. состоялся суд над Бенедиктом Уолманом и Джоном Бекерингом, осуществившими заговор с целью возведения на трон «Томаса Уорда, иначе называемого Трампингтоном, которого они объявили покойным королём Ричардом II». В момент заговора он находился в Шотландии, и заговорщики намеревались переправить его в Англию. (Folio clxxx b-clxxxi b, in: *Calendar of Letter-Books of the City of London: I, 1400–1422* / Ed. R. R. Sharpe. London, 1909. P. 166. См. подробнее: *Stevenson, K.* Lollardy, Hussitism and the Scottish Inquisition, 1390–1527, in: *Revue d'histoire ecclésiastique*. No. 3–4. Vol. 110. 2015. P. 689; О самозванцах, выдававших себя за Ричарда II и о причинах убежденностей в его спасении см.: *Saul, N.* *Richard II*. New Haven, 1997. P. 427–429. Любопытно в данном случае и то, что Уолман возможно являлся лоллардом или выражал симпатии их взглядам. *Jurkowski, M.* *Henry V's Suppression of the Oldcastle*

характер и нуждаются в дальнейшей разработка, а в силу недостаточности источниковой базы делать выводы о существовании разветвлённой еретической сети в позднем средневековье весьма опрометчиво. Однако для нашей темы, сам факт того, что религиозные контакты, благодаря единому языку, были значительно облегчены, представляется крайне важным. Уже в постреформационной Британии, в 1579 г. в Шотландии впервые издаётся Женевская Библия, переведённая на английский язык, таким образом, становясь официальным переводом Библии для Реформационной Шотландии, а Джордж Бьюкенен призывает к вытеснению гэльского языка, а вместе с ним и переходом от «простоты и варварства» к «культуре и цивилизации»⁹⁵. После английского перевода Библии 1611 г. (Библия короля Якова), Женевская Библия была заменена именно этим вариантом перевода, таким образом, укрепив позиции английского языка как официального языка Священного писания в Шотландии⁹⁶. В то же время Уиклиф становится для британского протестантского сообщества первым провозвестником реформированной веры, затмевая в этом смысле Яна Гуса.

Память об языковых контактах в религиозной сфере оказывается значимой и для унионистского дискурса. Уже упоминаемый нами ранее Роберт Понт в своём трактате также делает упор на языковую составляющую британского единства, поскольку один из участников диалога сообщает, что, переживая бурю на Шетландских островах, он слышал, как местные служители проповедуют на английском языке и вся паства их прекрасно понимает⁹⁷. Таким образом, для Понта религиозно-организационные различия между пресвитерианством и англиканством могут быть преодолены в том числе и за счёт общности языка.

Revolt, in: *Henry V: New Interpretations* / Ed. Dodd G. Woodbridge, 2013. P. 120.

⁹⁵ The history of Scotland written in Latin by George Buchanan ; faithfully rendered into English. London, 1690.

⁹⁶ *Kidd, C.* Union and Unionism. Political Thought in Scotland, 1500–2000. Cambridge, 2008. P. 51.

⁹⁷ *Robert Pont.* Of the Union of Britayne, in: *The Jacobean Union. Six tracts of 1604* / Eds B. R. Galloway, B. P. Levack. Edinburgh, 1985. P. 24.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить устойчивость и гибкость стигматизирующего горных шотландцев дискурса, полностью кооптированного в состав риторических приёмов, используемых сторонниками расширения Унии Корон. Подобные практики чётко демонстрировали стремление проунионистских авторов и самого короля Якова I (VI) к унификации его множественной монархии на культурной и языковой основе Лоуленда и Англии, поскольку именно между этими социоэтническими общностями существовали наиболее устойчивы и ярко выраженные связи. В тоже время, важно подчеркнуть, что «дикость» для большинства рассмотренных нами авторов не являлась чем-то непреодолимым, и каждый из них допускал возможность культурной ассимиляции того или иного этноса.

Кроме того, отказ от «северного варварства» также был ориентирован на внешнюю арену, с целью повышения престижа Шотландии и — шире — всей персональной унии Якова I (VI), особенно с учётом его экуменистических идей в первые годы его английского правления⁹⁸.

Информация о статье

Пионтковский, А. В. «Образ «Дикой Шотландии» в позднесредневековой картине мира и его влияние на унионистскую полемику начала XVII века, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени*. 2021. Вып. 6 (1). С. 127–167.

Андрей Валерьевич Пионтковский, аспирант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5)

Kalter160993@yandex.ru

УДК 127 94(411)

Статья посвящена рассмотрению развития представлений о Шотландии в континентальной европейской и инсularной британской литературе позднего средневековья. Показано насколько значимы эти представления оставались для интеллектуалов Раннего нового времени и какую роль они сыграли в формировании культурного фона вокруг полемики об унии корон

⁹⁸ Об этом см.: *Patterson, W. B.* King James VI and I and the Reunion of Christendom. Cambridge, 2000.

в 1603–1607 годах. В качестве ключевых факторов выделяются язык, политическая культура и общность религиозных представлений — то, что отличало «цивилизованных» англичан и равнинных шотландцев от обитателей Высокогорья, а также Ирландии.

Ключевые слова: Уния корон, Хайленд, идентичность, варварство, Британия

Information on the article

Piontkovsky, A. V. «Образ «Дикой Шотландии» в позднесредневековой картине мира и его влияние на unionistskuyu polemiku nachala XVII veka [«Savage Scotland», «Lowland Courtesy» and the English Language as Factors in the Formation of «British» Identity from High Middle Ages to the Union of the Crowns in 1603], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2020. Vol. 6 (1). P. 127–167.

Andrei Valerievich Piontkovsky, graduate student, Institute of History, Saint-Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Mendeleevskaya liniya, 5)

This article is dedicated to the consideration of the development of imaginations about Scotland in the continental European and insular British literature of the late Middle Ages. It is revealed how important these ideas remained for the intellectuals of the Early Modern Period, and what role it played within the controversy concerning The Union of The Crowns. The key factors are language, political culture and common religious beliefs it is what distinguished the «civilized» English and Lowland Scots from the inhabitants of the Highlands, as well as Ireland.

Key words: Union of the Crowns, Highland, identity, barbarism, Britain

Список источников и литературы

Aeneas Sylvius Piccolomini. *De Europa* / Ed. A. van Heck. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 2001. 365 p.

Aeneas Sylvius Piccolomini. *Reject Aeneas, Accept Pius: Selected Letters of Aeneas Sylvius Piccolomini (Pope Pius II)* / Trans. Thomas M. Izbicki, Gerald Christianson, and Philip Krey. Washington, DC: The Catholic University of America Press, 2006. 436 p.

Barrow, G. W. S. *Scotland and its Neighbours in the Middle Ages*. London and Rio Grande. The Hambledon Press, 1992. 255 p.

Barthélemy L'Anglais: *Le Livre des Regions*. Pitts B. A. Anglo-Norman Text Society, Plain Texts Series. Vol. 15. 2006. 53 p.

Boardman, S. *A People Divided? Language, History and Anglo-Scottish Conflicts in the Work of Andrew of Wyntoun*, in: Smith, B. *Ireland and the English World in the Late Middle Ages*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 112–129.

Boardman, S. The Gaelic World and the Early Stewart Court, in: Broun, D. *Mìorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?» Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern.* Glasgow: University of Glasgow, Centre for Scottish and Celtic Studies, 2007. P. 83–109.

Boivin, J. M. L'Irlande au moyen âge, Giraud de Barri et la «Topographia Hibernica» (1188). Paris. Champion, 1993. 414 p.

Broun, D. Attitudes of Gall to Gaedhel in Scotland before John of Fordun, in: Broun, D. *Mìorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?» Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern.* Glasgow: University of Glasgow, Centre for Scottish and Celtic Studies, 2007. P. 49–82.

Broun, D. Scottish Independence and the Idea of Britain: From the Picts to Alexander III. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 328 p.

Calendar of Letter-Books of the City of London: I, 1400–1422 / Ed. R. R. Sharpe. London: His Majesty's Stationery Office, 1909. 348 p.

Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice / Ed. E. Brown. Vol. 1: 1202–1509. London: Her Majesty's Stationery Office, 1864. 365 p.

Chronique de Jean le Bel, publiée pour la Société de l'histoire de France. Paris: Laurens, 1904. T. 1. 422 p.

Chronicon de Lanercost, 1201–1346: e codice Cottoniano nunc primum typis mandatum / Ed. J. Stevenson. Edinburgh: The Edinburgh Printing Company, 1839. 636 p.

Contamine, P. Froissait: art militaire, pratique et conception de la guerre, in: *Froissart Historian* / Ed. Palmeréd, J. J. N. Bury-St-Edniunds, 1981. P. 132–144.

Copiale Prioratus Sanctiandree: the Letter-Book of James Haldenstone Prior of St Andrews (1418–1448) / Ed. J. H. Baxter. Oxford: Oxford University Press, 1930. 527 p.

Davis, R.R. The First English Empire. Power and Identities in the British Isles 1093–1343. Oxford: Oxford University Press, 2000. 213 p.

De Falco, F. Opere cortesi, modelli letterari e fazioni politiche nello spazio Plantageneto (XII–XIII sec.): Il De Nugis Curialium e la Topographia Hibernica alla luce degli obiettivi dei loro autori. PhD. Avignon: Avignon Université, 2019.

De Laborderie, O. Histoire, mémoire et pouvoir. Les généalogies en rouleau des rois d'Angleterre (1250–1422). Paris: Classiques Garnier, 2013. 507 p.

Dwyer, F. Witches, Spies and Stockhom Syndrome: *Life in Medieval Ireland.* Dublin: New Island, 2013. 240 p.

Fievet, R. L'ambivalence de l'honneur dans l'Angleterre de la fin du Moyen Âge: une force compétitive ou modératrice? in: *Médiévales.* N 70. 2016. P. 215–232.

Fletcher, C. Langue et nation en Angleterre à la fin du moyen âge, in: *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques.* 2012. T. 2. N 36. P. 233–252.

Fradenburg, L. O. *City, Marriage, Tournament: Arts of Rule in Late Medieval Scotland*. Madison, Wis: University of Wisconsin Press. 1991. 406 p.

Haywood, E. *Humanism's Priorities and Empire's Prerogatives: Polydore Vergil's Description of Ireland*, in: Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History. 2009. Vol. 109. P. 195–237.

Hendricks, J. A Battle of «Trechour Tung[s]»: Gaelic, Middle Scots, and the Question of Ethnicity in the Scottish Flyting, in: *Fifteenth-Century Studies*. 2012. Vol. 37. P. 71–96.

Henry of Lancaster. Le Livre de Seyntz Medicines / Ed. Arnould E. J. Oxford, 1940. 244 p.

Kidd, C. *Union and Unionism. Political Thought in Scotland, 1500–2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 322 p.

Lavezzo, K. *Angels on the Edge of the World: Geography, Literature, and English Community, 1000–1534*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2006. 191 p.

Les Chroniques de Sire Jean Froissart. Livre IIIV. Paris, 1835. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Chroniques_de_Sire_Jean_Froissart/Livre_II (27.06.2021).

Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern. Glasgow: University of Glasgow, 2007. P. 7–48.

Lusignan, S. *La langue des rois au Moyen Âge. Le français en France et en Angleterre*. Paris: PUF, 2004. 296 p.

Lusignan S., Cormier, D. Merlin et la guerre entre l'Angleterre et l'Écosse au début du XIVe siècle, in: *Ainsi passe le texte. Mélanges en hommage à Madeleine Jeay* / Eds. Duché, V., Tran-Gervat, Y. M., Maher, D. Paris: Classiques Garnier. 2018. P. 81–96.

MacGregor, M. *Gaelic Barbarity and Scottish Identity in the Later Middle Ages* / Ed. Broun, D. Mìorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?»

Mair J. *A History of Greater Britain as well England as Scotland*. Edinburg, 1892. 478 p.

Philippeau, P. Froissart et Jean le Bel. Etude littéraire sur la Chronique de Jean le Bel, chanoine de Saint- Lambert à Liège (1290–1370), in: *Revue du Nord*. 1936. T. 22. N 86. P. 81–111.

Poleg, E. The earliest evidence for anti-Lollard polemics in medieval Scotland, in: *Innes Review*. 2013. Vol. 64. N 2. P. 277–234.

Robert Pont. Of the Union of Britayne, in: *The Jacobean Union. Six tracts of 1604* / Ed. B. R. Galloway, B. P. Levack. Edinburgh: Scottish History Society, 1985. 1985. P. 1–39.

Schönbach, A. Des Bartholomeus Anglicus Beschreibung Deutschlands gegen 1240, in: *Mitteilungen des Instituts für Osterreichische Geschichtsforschung*. 1906. N 17. S. 54–90.

Soukupová, V. La construction de la réalité historique chez le chroniqueur Jean Froissart. PhD. Paris: Univerzita Karlova, 2016. URL: <https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/81632/140054909.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (27.06.2021).

Stevenson, K. Lollardy, Hussitism and the Scottish Inquisition, 1390–1527, in: *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2015. No. 3–4. Vol. 110. P. 684–715.

Syr Thomas Gray. *Scalacronica* / Ed. J. Stevenson. Edinburgh: The Edinburgh Printing Company, 1836. 321 p.

The British Union: A Critical Edition and Translation of David Hume of Godscroft's «De Unione Insulae Britannicae» / Eds. P. J. McGinnis, A. H. Williamson. Aldershot: Ashgate. 2016. 352 p.

The history of Scotland written in Latin by George Buchanan; faithfully rendered into English. London: Printed by Edw. Jones, 1690. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A29962.0001.001?view=toc> (27.06.2021).

The Political Works of James I / Ed. C. H. McIlwain. Cambridge: Harvard University Press, 1918. 354 p.

Tyson, D. B. Jean le Bel: Portrait of a Chronicler, in: *Journal of Medieval History*. 1986. Vol.12. Issue 4. P. 315–322.

Van Dussen, M. From England to Bohemia: Heresy and Communication in the Later Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 195 p.

William Dunbar: The Complete Works / Ed. J. Conlee. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2004. 474 p.

Woodman, I. Education and Episcopacy: The Universities of Scotland in the Fifteenth Century. Unpublished PhD. Thesis. St. Andrews: University of St. Andrews, 2011. URL: <https://research-repository.st-andrews.ac.uk/handle/10023/1882> (27.06.2021).

Wormald, J. *Court, Kirk, and Community: Scotland 1470–1625*. London: Edward Arnold, 1981. 288 p.

References

Barrow, G. W. S. Scotland and its Neighbours in the Middle Ages. London and Rio Grande. The Hambledon Press, 1992. 255 p.

Barthélemy L'Anglais: Le Livre des Regions. Pitts B. A. Anglo-Norman Text Society, Plain Texts Series. Vol. 15. 2006. 53 p.

Baxter, J. H. (Ed.). *Copiale Prioratus Sanctiandree: the Letter-Book of James Haldenstone Prior of St Andrews (1418–1448)*. Oxford: Oxford University Press, 1930. 527 p.

Boardman, S. *A People Divided? Language, History and Anglo-Scottish Conflicts in the Work of Andrew of Wyntoun*, in: *Smith, B. Ireland and the English World in the Late Middle Ages*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 112–129.

Boardman, S. The Gaelic World and the Early Stewart Court, in: Broun, D. *Mìorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?» Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern*. Glasgow: University of Glasgow, Centre for Scottish and Celtic Studies, 2007. P. 83–109.

Boivin, J. M. L'Irlande au moyen âge, Giraud de Barri et la «Topographia Hibernica» (1188). Paris. Champion, 1993. 414 p.

Broun, D. Attitudes of Gall to Gaedhel in Scotland before John of Fordun, in: Broun, D. *Mìorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?» Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern*. Glasgow: University of Glasgow, Centre for Scottish and Celtic Studies, 2007. P. 49–82.

Broun, D. Scottish Independence and the Idea of Britain: From the Picts to Alexander III. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 328 p.

Brown, E. (Ed.) Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 1: 1202–1509. London: Her Majesty's Stationery Office, 1864. 365 p.

Chronique de Jean le Bel, publiée pour la Société de l'histoire de France. Paris: Laurens, 1904. T. 1. 422 p. Нет редактора

Contamine, P. Froissait: art militaire, pratique et conception de la guerre, in: *Froissart Historien* / Ed. Palmeréd, J. J. N. Bury-St-Edniunds, 1981. P. 132–144.

Davis, R.R. The First English Empire. Power and Identities in the British Isles 1093–1343. Oxford: Oxford University Press, 2000. 213 p.

De Falco, F. Opere cortesi, modelli letterari e fazioni politiche nello spazio Plantageneto (XII–XIII sec.): Il De Nugis Curialium e la Topographia Hibernica alla luce degli obiettivi dei loro autori. PhD. Avignon: Avignon Université, 2019.

De Laborderie, O. Histoire, mémoire et pouvoir. Les généalogies en rouleau des rois d'Angleterre (1250–1422). Paris: Classiques Garnier, 2013. 507 p.

Dwyer, F. Witches, Spies and Stockhom Syndrome: *Life in Medieval Ireland*. Dublin: New Island, 2013. 240 p.

Fievet, R. L'ambivalence de l'honneur dans l'Angleterre de la fin du Moyen Âge: une force compétitive ou modératrice? in: *Médiévales*. N 70. 2016. P. 215–232.

Fletcher, C. Langue et nation en Angleterre à la fin du moyen âge, in: *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques*. 2012. T. 2. N 36. P. 233–252.

Fradenburg, L. O. *City, Marriage, Tournament: Arts of Rule in Late Medieval Scotland*. Madison, Wis: University of Wisconsin Press. 1991. 406 p.

Haywood, E. *Humanism's Priorities and Empire's Prerogatives: Polydore Vergil's Description of Ireland*, in: Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History. 2009. Vol. 109. P. 195–237.

Heck van, A. (Ed.) Aeneas Sylvius Piccolomini. De Europa. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 2001. 365 p.

Hendricks, J. A Battle of «Treichour Tung[s]»: Gaelic, Middle Scots, and the Question of Ethnicity in the Scottish Flyting, in: *Fifteenth-Century Studies*. 2012. Vol. 37. P. 71–96.

Henry of Lancaster. Le Livre de Seyntz Medicines / Ed. Arnould E. J. Oxford, 1940. 244 p.

Izbicki, Thomas M., Christianson, Gerald, Krey, Philip (Trans.). Aeneas Sylvius Piccolomini. Reject Aeneas, Accept Pius: Selected Letters of Aeneas Sylvius Piccolomini (Pope Pius II). Washington, DC: The Catholic University of America Press, 2006. 436 p.

Kidd, C. Union and Unionism. Political Thought in Scotland, 1500–2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 322 p.

Lavezzo, K. Angels on the Edge of the World: Geography, Literature, and English Community, 1000–1534. Ithaca; London: Cornell University Press, 2006. 191 p.

Les Chroniques de Sire Jean Froissart. Livre IIIV. Paris, 1835. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Chroniques_de_Sire_Jean_Froissart/Livre_II (27.06.2021).

Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern. Glasgow: University of Glasgow, 2007. P. 7–48.

Lusignan, S. La langue des rois au Moyen Âge. Le français en France et en Angleterre. Paris: PUF, 2004. 296 p.

Lusignan S., Cormier, D. Merlin et la guerre entre l'Angleterre et l'Écosse au début du XIVe siècle, in: *Ainsi passe le texte. Mélanges en hommage à Madeleine Jeay* / Eds. Duché, V., Tran-Gervat, Y. M., Maher, D Paris: Classiques Garnier. 2018. P. 81–96.

MacGregor, M. Gaelic Barbarity and Scottish Identity in the Later Middle Ages / Ed. Broun, D. Mìorun Mòr nan Gall, «The great ill-will of the Lowlander?»

Mair J. A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. 478 p.

McGinnis, P. J., Williamson, A. H. (Eds.) The British Union: A Critical Edition and Translation of David Hume of Godscroft's «De Unione Insulae Britannicae» Aldershot: Ashgate. 2016. 352 p.

McIlwain, C. H. (Ed.) The Political Works of James I. Cambridge : Harvard University Press, 1918. 354 p.

Philippeau, P. Froissart et Jean le Bel. Etude littéraire sur la Chronique de Jean le Bel, chanoine de Saint- Lambert à Liège (1290–1370), in: *Revue du Nord*. 1936. T. 22. N 86. P. 81–111.

Poleg, E. The earliest evidence for anti-Lollard polemics in medieval Scotland, in: *Innes Review*. 2013. Vol. 64. N 2. P. 277–234.

Robert Pont. Of the Union of Britayne, in: *The Jacobean Union. Six tracts of 1604* / Ed. B. R. Galloway, B. P. Levack. Edinburgh: Scottish History Society, 1985. P. 1–39.

Schönbach, A. Des Bartholomeus Anglicus Beschreibung Deutschlands gegen 1240, in: *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. 1906. N 17. S. 54–90.

Sharpe, R. R. (Ed.) Calendar of Letter-Books of the City of London: I, 1400–1422. London: His Majesty's Stationery Office, 1909. 348 p.

Soukupová, V. La construction de la réalité historique chez le chroniqueur Jean Froissart. PhD. Paris: Univerzita Karlova, 2016. URL: <https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/81632/140054909.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (27.06.2021).

Stevenson, J. (Ed.) Chronicon de Lanercost, 1201–1346: e codice Cottoniano nunc primum typis mandatum / Ed. J. Stevenson. Edinburgh: The Edinburgh Printing Company, 1839. 636 p.

Stevenson, K. Lollardy, Hussitism and the Scottish Inquisition, 1390–1527, in: *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2015. No. 3–4. Vol. 110. P. 684–715.

Syr Thomas Gray. Scalacronica / Ed. J. Stevenson. Edinburgh: The Edinburgh Printing Company, 1836. 321 p.

The history of Scotland written in Latin by George Buchanan; faithfully rendered into English. London: Printed by Edw. Jones, 1690. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A29962.0001.001?view=toc> (27.06.2021).

Tyson, D. B. Jean le Bel: Portrait of a Chronicler, in: *Journal of Medieval History*. 1986. Vol.12. Issue 4. P. 315–322.

Van Dussen, M. From England to Bohemia: Heresy and Communication in the Later Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. 195 p.

William Dunbar. The Complete Works / Ed. J. Conlee. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2004. 474 p.

Woodman, I. Education and Episcopacy: The Universities of Scotland in the Fifteenth Century. Unpublished PhD. Thesis. St. Andrews: University of St. Andrews, 2011. URL: <https://research-repository.st-andrews.ac.uk/handle/10023/1882> (27.06.2021).

Wormald, J. *Court, Kirk, and Community: Scotland 1470–1625*. London: Edward Arnold, 1981. 288 p.